

БАБУШКИН АТТЕСТАТ

Резкий и глухой удар о лобовую броню танка метнул в лицо заряжающему частицы сухой краски. Ватной тишиной заложило уши. Мотнув головой, Василий открыл глаза. Смотреть было больно. Глаза запорошило, и, похоже, микроскопические осколки отслоённого ударом металла посекали кожу лица в кровь: то, что он увидел перед собою, было затянато розовой плёнкой. Несколько осколков покрупнее впились ему в грудь и в живот. Он телом ощутил их колющее жжение. В броне танка зияло сквозное отверстие величиной с хороший кулак, через которое в наполненную пороховой гарью башню стал проникать свежий воздух.

«Интересно, какой силой надо обладать снаряду, чтобы пробить двадцатимиллиметровую броню? Но ещё, пожалуй, интереснее то, что, проткнув металл, как гвоздь масло, болванка никому из сидящих в башне не причинила вреда», – подумал он и наклонился в машинное отделение за следующим снарядом для пушки. Острая боль пронзила живот. В беззвучном крике распахнув рот, Василий потерял сознание и безжизненным комом свалился под ноги стрелку-радисту...

Очнулся он в длинной комнате одноэтажной сельской школы, переоборудованной под прифронтовой госпиталь. Командир танка, как вы-

яснилось впоследствии, по рации вызвал помощь, и раненого вывезли с поля боя.

«Осколки были маленькие, – вспоминал этот эпизод своей жизни Василий Карпович Негодяев. – Их тогда, в январе сорок третьего года, вырезать не стали. Некогда врачам было: много серьёзных раненых в госпиталь поступало, а тут ещё я со своими дробинками. Решили тогда врачи, что присутствие инородного металла не особенно опасно для моего здоровья. В тот раз они промыли хорошенько мои ранки, продезинфицировали, перевязали и недели три продержали в госпитале, пока они не поджили. А за это время фронт продвинулся далеко вперёд. Наши войска начали освобождать север Донбасса. Я, как специалист (водитель-механик, заряжающий и стрелок-радист), должен был вернуться в свою часть.

– А где она? – спрашиваю у врачей.

– Ищите сами, – отвечают.

При выписке выдали мне продовольственный аттестат, предъявив который властям любого населённого пункта в освобождённой от немцев территории, я имел право получить продуктивное довольствие и ночлег. Но чем тогда обладали власти в разграбленных и разрушенных городах и сёлах? Так что документ этот среди выздоравливающих очень скоро приобрёл название «Бабушкин аттестат». Это потому, что

предоставляли ночлег и пищу (если могли) бредущим к фронту солдатам бабушки и жители, сыновья которых воевали за Родину.

Легал я в пригороде Подковска. Оттуда и подался на фронт. Первые дни шёл один. Февраль на Урале и в Сибири даёт о себе знать морозами, а в Донбассе на зимний месяц он не похож. При желании можно было в одной гимнастёрке шагать. А у меня ещё с танка промасленная фуфайка осталась. То есть с комфортом передвигался я от деревни к деревне, следуя дорожным указателям. Смотрю на эти указатели и иду.

Всё бы хорошо, дороги хоть и были расквашены машинами, однако идти по обочинам вполне можно, но переходы получались у меня очень длинные, хотелось побыстрее до фронта дойти, в свою часть и, может даже, на свой танк попасть, было бы здорово! При звёздах поднимался в путь и до самых звёзд шагал я. Привычные мы к этому. На сытый желудок бы эти перегоны преодолевать – я б и не тужил совсем, а тут в худящем сидорке, кроме пары портянок и ложки, совсем ничего нет.

«Чем бы это брюхо своё набить?» – начали меня одолевать такие мысли. Гляжу: в берёзовых рощицах подле деревень голуби порхают и почки у деревьев клюют. «Вот бы, – думаю, – поймать такую птичку и отварить её. Из двух голубков одна настоящая курочка по весу должна получиться». Развивать такую тему в мыслях мне никто не мешал, осуществить же её за отсутствием времени и охотничьих приспособлений я не мог. А есть очень хотелось постоянно. Вот если бы оружие было. Прицелился: бац два раза – и готова похлёбка! Я ж из барзасской тайги парень, стрелять и зверя, и птицу влёт приходилось. И здесь вот, на фронте, зазря меня, что ли, на место стрелка посадили? Не только они в нас, но и мы в них попадали, и почаще, чем некоторые, и поудачнее...

Оружие при выписке нам не полагалось: на месте обеспечат. Стал я размышлять, где бы его раздобыть. Начал по пути заглядывать за обочины, в траншеи, что нередко в полях встречались, и выискал для себя новенькую немецкую винтовку, а к ней сорок патронов. Обрадовался! В тот же день пару голубков себе подстрелил. В деревню пришёл и попросил бабушку, которая к себе на постой пустила, отварить их. Такой хороший супчик сварила она! И я сыт был, и они с дедушкой покушали. Воспрянул я душой и телом: проблема с питанием решена.

На другой день возле села Гусинка (там ещё разрушенный фарфоровый завод был) встретил я на дороге ещё с десяток солдат, так же, как и я, из госпиталя возвращающихся в свои части. Стало веселее. Да только быстро это веселье из нас, как кипятком тараканов, выпарило. Перезнакомились, значит, мы друг с другом, идём, байки травим, рассказываем, кого, где и куда ранило. Не заметили, как очутились на окраине выжженной немцами деревни. Вместо домов одни трубы торчат, припорошенные снежком. На косогоре деревня расположена была. Место красивое: под косогором небольшая река, плавно изгибаясь, на юг, к Донцу уходила. Возле деревни окрест луга и поля обширные, а километра через три, на севере, лес чёрной стеною застыл. Встали мы, разинули рты, любимся. Вдруг не помню кто толкает нас: «Смотрите-ка, а это что такое?» Смотрим – в стороне от дороги на маленькой площади, к которой сходятся три небольшие улочки, несколько столбов высоких с перекладинами – и на них люди. Повешенные!

Никто из нас никогда не видел такого. Ужас! Висят на тонких верёвках и покачиваются от лёгких порывов ветра. Бросились мы к ним – трое мужчин и одна женщина. На груди у каждого прикреплен плакатик: «Не снимать! Смерть!». Наши, когда наступали, поди, не заметили, а может, времени просто не было их снять. А кому снимать сейчас, если деревни нет и неизвестно куда народ из неё делся? Срезали мы верёвки, уложили казнённых рядом возле столбов. Могилу копать нечем – прикрыли лица плакатами, перекурили и пошли, остервенелые, к фронту. Настроение – убийственное, не до шуток тут. Каждый думает, как бы побольше за этих повешенных наших советских людей вражьего отродья в землю вогнать.

Через несколько километров просёлочная дорога, по которой мы продвигались, вывела нас к широкой магистрали. По ней уже изредка в обоих направлениях проскакивали одиночные военные машины. Идём, пытаемся голосовать, чтобы подхватил кто и подвёз до станции Глубокой. Идти пешком далековато: если верить дорожному указателю, то до неё тридцать километров осталось. Нас же либо боялись, либо очень уж торопились, но никто не подбирал. Обиделся я: на фронт иду, не к тёще на блины, винтовку свою с плеча срываю, встаю поперёк дороги и первую машину (бен-

зовоз оказался), пальнув вверх для острости, останавливаю.

– Подвези! – говорю шоферюге.

– Не могу, не положено. И некуда вас сажать.

– Мы танкисты и наверху, на твоей броне уместимся.

– Нельзя, меня накажут!

– Ах так?!

И вытаскиваем его из кабины.

Я сам ведь шоферил до войны, за руль сажусь. Солдатня с водилой на цистерну забрались, и поехали мы с ветерком и комфортом. На фронт.

Перед станцией КПП останавливает: «Документы!»

– А вот у него.

Шофёр с бочки подаёт. Посмотрели, удивились, но пропустили и рассказали, как в комендатуру проехать. Остановились мы у неё, шофера с его бензином отпустили, а сами к коменданту направились. Так, мол, и так, ему докладываем, на фронт хочется быстрее попасть, где он тут у вас, показывайте. Комендант наши аттестаты прочёл, видит – специалисты как на подбор: один из нас даже лётчиком был. Приказал он в столовой женщинам накормить нас. Они пельмени для нас стряпают, а мы им помощь свою предлагаем. Разговоры, смех, шуточки – прелесть какая! Такое ведь у нас в каждом городе до войны было, неужели вернулось? Не верится даже, что это всё с нами происходит, вот до чего военное лихолетье всё человеческое от нас отторгло.

Нас накормили женщины, а потом девушка отвела в пустой дом, там кровати и постели были. Выспались мы и утром из города дальше к фронту потопали, но с настроением, я вам скажу, очень приподнятым. Убедились воочию: недолго осталось нам воевать, если жизнь настоящая к нам возвращается.

Так вот до фронта я в общей сложности полторы недели добирался. Редко когда кто подвезёт, всё больше пёхом. А как вошли мы в прифронтовую полосу, тут уж проще стало. Проверяют на каждом шагу: куда идёте да кто вы. А мы объясняем, документы показываем. Нам говорят, где какая часть расположена. Мы и начали рассасываться понемногу. Наконец-то и мне сказали, что я приблизился к своей цели: «Вон в том домике штаб нашей части!». Знали бы вы, как я обрадовался! Будто к папе с мамой вернулся! В селе дом этот стоял. Фронт проле-

гал совсем недалёко. Слышно было, как орудия палят. Взбежал я на крылечко, захожу внутрь, а в горнице сидят за столом несколько военных и среди них – мой командир младший лейтенант Александр Митрофанович Никитенко. Ему уже, правда, старшего лейтенанта присвоили, по звёздочкам видно. Посмотрел он на мою заросшую образину и сразу признал. От стола ко мне ринулся: «Вася, живой!». Поверите или нет, а у меня аж слёзы из глаз брызнули: к своим, домой вернулся!

Никитенко из всего нашего экипажа один остался в живых. И вообще от нашего полка (тридцать танков) за месяц один только танк целый сохранился. Он ночами вокруг деревни с зажжёнными фарами ездил, отпугивал диверсантов и создавал видимость, что тут большое скопление техники. А вообще-то оставшиеся без танков танкисты были временно переведены на роль пехотинцев и охраняли военные коммуникации прифронтовой полосы. Через неделю на смену другая часть подошла, и нас на пополнение в тыл перевели.

В тот день Никитенко отвёл меня к парикмахеру, потом в баню, выдал новую амуницию, и я, как свежий огурчик, засверкал! И стал полноправным членом его выведенного из строя танка.

Через месяц из пополнения нас направили в Верхнюю Дуванку, и я с Никитенко воевал до девятнадцатого июля сорок третьего года, пока не получил тяжёлое ранение в живот. Выбыл тогда из строя на два месяца. Выписав из госпиталя, меня перевели по состоянию здоровья в автоматчики. На лёгкий, так сказать, труд»...

В июле сорок первого года Василий Негодяев был призван в армию. Воевать начал с двадцать третьего октября сорок второго года. Демобилизовался из армии в июле сорок пятого года. Четырежды ранен, имеет медали «За отвагу», «За взятие Будапешта», «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». И воспоминания, которые ничем затмить нельзя. Они предупреждают нас, призывают всех нас к тому, чтобы мы берегли мир – возврат к нему через войну долог, болезнен и труден. А для тех, кого не пощадит война, он становится невозможен.

ЦЫГАНЕ В КАЗАХСТАНЕ

«Вторую неделю возим скот на мясокомбинат Кустаная от целинных совхозов. Край боль-

шой. Его потребности собственная шоферня удовлетворить не в состоянии, поэтому на лето, в страду, от автопредприятий союзных республик командируют сюда водителей со своим транспортом. Для техобслуживания прикрепляют к местным автобазам. Жильём обеспечивают в общежитиях гостиничного типа. Повсюду на бескрайних полях стрекочут комбайны. Над грунтовыми дорогами множество снующих в разных направлениях машин поднимают пыль, от которой не продохнуть. Горло сохнет так, что даже нечем плевать. На день не хватает пятилитровой канистры воды, потому что ведь не только пьёшь её, но и частенько, останавливаясь, плещешь на лицо пригоршню-другую, чтобы освежиться. По-другому я не могу, по-другому – спечёшься. Может свалить тепловой удар. Меня не сваливало, но случаи были.

Вот и сегодня, как и всегда, весь день пылица, жара. Последняя ходка. Блеющее напуганное долгою тряской стадо овец, протопав копытцами по сходням, освободило кузов моей машины. Можно уезжать на отдых. Осторожно разворачиваюсь во внутреннем дворе мясокомбината и на первой скорости выруливаю за ворота. Куда бы сейчас податься? В гостинку спать – ещё рановато. Харч – всегда с собой в бардачке. Можно, конечно, и в столовой есть, но привык к самообслуживанию. Да и дешевле получается, если варить из собственных продуктов. А они у меня действительно получаются собственными, эти овощи и фрукты, здесь произрастающие: где сам сорвёшь по дороге, где хозяйка сердобольная в подарок сунет в кабину. Ведь мы же общаемся с населением.

Купание в реке или рыбалка уже не прельщают. Хочется отдохнуть. И не в одиночку. Чтобы вокруг тебя что-то тормозилось, щипало, сопело, не давало уснуть. Чтобы верещало и требовало. И ты бы подчинялся всему этому, нисколько не обижаясь на проявляемую деспотию. В общем, семейного счастья захотелось, общения с близкими. А где их, близких, сейчас возьмёшь, если они на Алтае, в Бийске, без тебя маются и сном-духом не ведают, где в этот час, где в это время тебе вдруг взгрустнулось о доме.

Метрах в ста от ворот стоит, подняв руку, мужчина. Интересно, что надо ему? Подъезжаю, торможу. Чернявый, кудрявый, скалит сахарно-белые зубы губастый цыган. Бодренько заскакивает на подножку, открывает дверцу и бесцеремонно плюхается на сиденье, обращаясь ко мне.

– Земляк, будь другом, выручи. Сто лет благодарить буду. Детям и внукам своим закажу молитвы за твоё здоровье и долголетие. Не откажи, помоги мне! – на одном выдохе протараторил он и выжидательно воззрился на меня.

– Чего помоги-то? Твою тещу придавить, что ли? – отвечаю, с улыбкой разглядывая его забавную рожицу.

– Нет, нет! Зачем так шутишь? Не тещу задавить, в одно место съездить надо ввечеру и привезти сюда лошадок.

– Далеко, наверное, или лошадям ноги поотрубали, если своим ходом пригнать их сюда не можете...

– Шутник ты! Не так далеко. Я заплачу. Много заплачу. Доволен будешь. За одну ходку триста рублей даю. Уж очень надо, чтобы сегодня лошадки здесь были. Помоги, дружок.

Я задумываюсь: сумму приличную сулит заказчик. Но ведь за просто так такие вот граждане платить не будут. Нечисто здесь что-то.

– Они, лошадки эти, не твои, поди, уворованные?

– Бог с тобой! Свои лошадки, таборные! Только совсем обезножели они, своим ходом сюда не дойдут.

Видно, что заливает цыганча, но как проверишь его? А триста рублей на дороге не валяются. Вот только много слишком за одну ходку, подозрительно.

– Сейчас прямо, что ли, ехать тебе?

– Ну да.

– Нет, не могу. Подожди чудок. Через пару часиков освобожусь, подкачу сюда, тогда и поедем за твоими лошадами.

Пункт, который назвал цыган, был за сто километров от Кустаная. В два конца – двести километров. За ночь вполне управиться можно, но надо предварительно бригаду в известность поставить, чтобы знали, искать где, мало ли чего может случиться со мною. Цыган, Яшкой зовут, подумал-подумал и согласился.

– Добро, подъезжай. Мы тебя ждть будем.

Отправился я в гостинку. Туда уже большинство шоферни нашей подъехало. Рассказал я им о предложении цыгана. Некоторые позавидовали моему приработку, а которые же предостерегать начали: обжечься можно. Такой уж народ цыгане. С ними ухо остро держать надо. А тут один местный шофёр услышал наш разговор, он к напарникам часто вечерами заглядывал в картишки скинуться или песни послу-

шать, подсел ко мне и говорит: «Я в прошлом году тоже попался на простачка. Может, с твоими, а может, с другими цыганами, их здесь несколько таборов промышляет в округе. Отвёз им по договорённости лошадей, да из обещанных сотенных и рубля не получил. Гуртом налетели, обступили меня, пригрозили. Напугали. Добро хоть ноги целы унёс».

Мужики расвирипели: это с вами можно, а нас за так не проведёшь! Тут же составили план действий. Вычислили пострадавших от проделок цыган и определили, что в одном только месте лошадей те сгружают по приезду в город. Ну и сговорились сделать там засаду. Со мной поехал напарник в своей машине следом. Для страховки. Через два часа подъезжаю к мясокомбинату. Ждут. Четверо.

Яшка-цыган в кабину забрался. С ним ещё один из новеньких втиснулся, здоровый, фиксатый. И где они золото на зубы берут? Вот ведь работаешь как папа Карло – всю жизнь мечтаешь о золотом перстне и всю жизнь таскаешь во рту железные протезы. На них же посмотришь: в отрепьях ходят, а весь рот в золоте. И золотом с головы до ног обвешаны. Мафия, одним словом.

– Ты зачем друга с собой взял? Нам одной машины хватит. За другую платить не собираюсь, – недовольно пробурчал Яшка.

– Как зачем? Технология у нас такая, – отвечаю ему.

– По одному дальнобойщикам никак ездить нельзя. Вдруг поломка случится какая – и загорай тогда в степи целый месяц. Да и не уместится что в мою машину, то ему в кузов догрузим.

Яшка явно не желал видеть рядом со мною свидетелей.

– Ты бы и один мог съездить. Не так уж и далёко.

– Нет-нет, не могу. Это приказ бригадира. Говорю тебе, было со мною уж такое не раз: вроде и близко, а застучит кардан или ещё что покрупному – и спёкса тогда. Нельзя. Нас сюда работать направили. Степь, безлюдье кругом. Кто тут поможет? Не вы же с вашими обезноженными лошадьми.

– Ну, добро. Поехали, – согласился Яшка, переглянувшись с фиксатым.

Погрузились остальные в кабину напарника, и мы тронулись. Было уже десять часов вечера. К двенадцати подъехали куда надо. Голая степь. Костёр. Шатёр. Кибитка разряженная и табунок

лошадей стреноженных возле пасёвста. Откуда-то цыган орава выскочила. Сноровисто эдак борта раскрыли, из досок сходни на край положили и тут же всех лошадок по кузовам разместили, привязали к бортам, травы им под ноги натрусили. Одной машины моей хватило, она же у меня с прицепом. Расселись возбуждённые удачей цыгане по кабинам.

– Трогай!

Поехали. Степь. Звёзды. И шакалы откуда-то изнутри степи зловеще влаивают. Мой «Магирус» пустой когда, по кочкам, как кузнечик прыгает, а тут загружен хорошо. Мы плавно идём, словно по тихому озеру на вёслах сплавляемся. Не шелохнётся машина, урчит, довольная, километры на спидометр мотая. И я доволен. Беспokoюсь, правда, немножечко – вдруг не туда заведут лошадей цыгане и с засадой нашей дело сорвётся.

Обратно ехали подольше. То, что груженные, – одно, не той дорогой возвращались. И к городу выбрались не с той стороны. Яшка-цыган по едва заметным признакам показывал дорогу. Наконец подъехали к насыпи, окаймлённой кустами. Насыпь была обрывиста и как раз вровень с бортами. Разгрузка лошадей заняла ещё меньше времени, чем загрузка. Яшка из кабины не вылезал до тех пор, пока не сошла последняя лошадь. Пачка с деньгами – перед стеклом. «Возьмёшь, – говорит, – деньги, как полностью разгрузимся». Я и не тороплюсь. Вот и разгрузились. Я потянулся за деньгами. А фиксатый схватил пачку и ножик показывает.

– Ты чего? – говорю. – Я привёз лошадей. Деньги мои. Отдавай.

– Зачем они тебе? Обойдёшься, – отвечает Яшка и посмеивается.

– Ну что ж, если так, то и ты отсюда не уйдёшь, – говорю, а сам думаю: «Успели ребята в засаду залечь, тут ли они? Иначе махаться придётся. И по-серьёзному». Дураком в глазах цыганчат я выглядеть не хотел. А то, что нож у них, то ведь и у меня монтировочка на выходе из кабинки припрятана. Успею выхватить её и замахнуться. Нажал я на сигнал. Заревел мой «Магирус». Напарник тоже подал голос и ко мне подъезжает.

– Чего какафонишь, кто тебя услышит? На десять километров здесь нет никого, – озабоченно завертел головой Яшка и попытался выскользнуть из кабины.

67

Но в это время выскочили из кустов наши парни, скрутили Яшке руки. Я в кабине успел заломить руку фиксатору, и не дал ему вытащить ножик из кармана. Он притих. Только зыркает зенками по сторонам и зло щурится. Я предупредил парней, что у фиксатора ножик в кармане и вытолкнул его из кабины. Они его отоварили пару раз, обезоружили и связали его же ремешком руки. Упаковали как следует и отвели в кусты к тем двоим, что лежали там уже связанные. Скрутили и Яшке руки. Прислонили его к борту машины и на меня смотрят. Я вылез из машины, подхожу.

– Где остальные цыганчата? – спрашиваю.

– Да вон, в кустах лежат.

– Ну и молодцы, ведите этого к ним. Бить будем всех. Обманул он меня.

– Не надо, ребята, не надо, милые... – затрясся Яшка-цыган. – Я вам отдам деньги и ещё сверху триста рублей положу, только отпустите меня!

– Ишь ты, заверещал как! – засмеялись парни и отпустили его, развязав ему руки. Он действительно вынул из пиджака шестьсот рублей и отдал их мне.

– Мужики! Если этого раскололи на столько, то и с других соучастников не грех будет за обман столько же.

Придерживая по бокам Яшку, мы подошли к связанным цыганам. Их караулили двое шофёров. Яшка что-то сказал по-своему поделщикам. Они посоветовались между собой и решили откупиться деньгами. Когда мы их развязали, то цыгане выложили нам дополнительно ещё тысячу рублей и на лошадях тут же ускакали в темноту. А мы разделили деньги – по машинам и в гостинку.

Потом осторожничали, в одиночку действительно не ездили. В кабине при нас постоянно лежало что-то увесистое на всякий случай. Думали, что отомстить захотят. Но кишка слаба у них оказалась. С тех пор всё лето о цыганах мы не слышали. Похоже, напугали мы их до того, что снялись они и подались всем племенем с этих краёв в другие. Целина ведь большая, и всем хватило места. Вот только б на новом месте не пакостили.

Уже пять лет минуло, а я и по сей день удивляюсь: и как это нам удалось объегорить таких пройдисвитов. А ведь удалось же, удалось! Посмотри, с тех денег ещё часы офицерские у меня ходят», – поднеся к моим глазам красивого циферблата большие наручные часы, Лёшка-

междугородник задумался и молчал уже всю дорогу до Декольчей.

Он теперь ездит в командировках по БАМУ. А когда и в Алдан, и в Сквородино заезжает. Здесь платят прилично. Для семьи – в самый раз.

ВЕЛИКОЛЕПНАЯ ЗАДУМКА

В углу, у стенки, были сложены свёрнутые в рулоны образцы линолеума с теплоизоляционным покрытием. От общего торгового зала это место отгораживал двухметровой высоты экран, с которого свешивались языки разноцветных обоев. Прежде чем спрятаться в присмотренном ещё днём местечке, Пашка – так звали вытянувшегося уже во взрослого мужчину узкоплечего застенчивого мальчишку – постарался убедиться в том, что на него никто не смотрит. Шагнув за экран, он опустился на четвереньки и в два приёма оказался в углу. Там он прижался к стенке, поднырнул под линолеум, осторожно натянул его край на себя и затих.

До закрытия магазина оставалось тридцать минут. Лежать было холодно, ведь пол-то бетонный. Не предусмотрел! Но не это волновало Пашку, к холоду ещё можно притерпеться: страх, который давеча подавил он громадным усилием воли, пряча себя в укромном местечке, вновь начал разжигать замелькавшие в голове мыслишки. Опять он засомневался в том, что его великолепная задумка удастся. «А может, пока не поздно, отказаться от затеянного и вылезти из укрытия?..» – мучительно думал он. А пока думал...

«Света, рабочий день закончился», – донеслось до него из зала. Это говорила коротко стриженная высокая и красивая блондинка, что сидела в отделе спорттоваров. Обычно с того отдела начинал свой ежедневный обход магазина «Олимпиец» Пашка.

Ещё сейчас он мог объявиться, ещё сейчас он мог выйти из магазина, отказавшись от воплощения своей фантазии! Он страстно хотел этого! И не пошевелился. Тело и разум не повиновались ему, скованные необъяснимым страхом.

Магазин закрыли. Продавщицы обслужили последних покупателей, подсчитали дневную выручку и до следующего утра покинули торговый зал. Пашка слышал непринуждённый разговор столпившихся у служебного выхода молодых женщин, их смех, стук двери, звук закрываемого замка и, бессознательно воспринимая эти

звуки милой жизни, понимал, что предотвратить замышленное он уже не сможет. Всё. Теперь же остался в магазине один. Отступить некуда, а значит, надо прогнать сомнения прочь. Они ни к чему. Надо действовать, как решил. Ещё рано выходить из укрытия, он выберется наружу, когда стемнеет на улице. Так что в первую очередь надо устроить своё гнёздышко поуютнее. Пашка развернул рулон и улёгся, подмостив под себя изоляцию. Теперь можно и подождать первых ночных звёздочек. А проскользнуть в дальний отдел радиотоваров, где выставлен поразивший его воображение двухкассетный магнитофон «Шарп», для него не составит труда: из-за стоящих вплитык витрин, проход к радиотоварам с улицы плохо просматривался. Магнитофон «Шарп» – классная штука! У Пашки вообще нет никакого. А хотелось, ой как хотелось иметь даже старенький, чиненный-перечиненный, но зато свой личный магнитофон! А мама не купит, ей не до этого.

Отторгнувший от себя Пашку город продолжает за стёклами окон магазина напряжённо шуметь и плавиться в лучах заходящего солнца. Скоро на улицах зажгутся фонари. Чтобы мать не беспокоилась, Пашка сказал, что заночует у приятеля. Он всё заблаговременно предусмотрел и продумал. А если разобраться, то сделать то, на что он решился, способен любой парень. И делают ведь! Он слышал об этом: прячутся в магазине перед закрытием, потом аккуратно отбирают себе нужное из товаров и утром, дождавшись в тайничке первых покупателей, спокойно уходят.

Но Пашка так не поступит, всю ночь ждать – долго, утром ещё могут застучать. Он кое в чём разбирается. Мать его работает в соседнем магазине уборщицей, и он видел, когда все уходят, включают сигнализацию. Найти, где её включают в этом магазине, Пашка, наверное, сможет. Значит, отключить сигнализацию для него дело выполнимое. Для открывания двери он принёс с собою монтировочку. Отожмёт ею дверь и выскочит. Дверь не то чтобы хлипкая, но деревянная, и замок у неё внутренний, совсем как в Пашкиной квартире. Ему уже случалось терять ключи от квартиры, и он знает, что монтировке дверной замок легко поддаётся. Одолеет он и эту дверь, справится с нею.

Со стороны площади доносился перезвон разворачивающихся по кругу троллейбусов. Вот уже и вспыхнули фонари уличного освещения. Осмелевшему Пашке был виден бульвар, по ко-

торому прогуливались люди с детьми и собаками. Были и те, кто нёс в руках кошечек с бантиками на шее. Пашке вообще-то была смешна и совсем непонятна любовь проживающих в квартирах горожан к животным и их желание ощущать этих животных вблизи себя постоянно. «Лишние хлопоты себе создают, и только. Что, скажите, пожалуйста, в квартире делать жирафу, или пятиметровому удаву? А то ведь ещё случается, в своих квартирах люди и львами забавляются! Это ж сколько на их прокорм мяса переводить, сена заготавливать надо, а опасность быть сожранным в своей постельке – такое любители животных учитывают?!» – думал он.

Впрочем, как не обидно теперь казалось Пашке, за стеклом витрин магазина текла та жизнь, частицей которой только что был он. Теперь же Пашка просто не имеет на неё права до тех пор, пока не выберется благополучно наружу к этим вот людям, с их собачками и крокодилами на поводках. А может и не выбраться, но об этом лучше не думать. И без того муторно.

Пашка перевёл взгляд с угрожающе нависшего над ним потолка на подпирающие его в середине зала колонны, великаными прыжками выскакивающие друг за другом из глубины магазина. Их наступление неотвратимо, как возмездие. На железном поясе одной из дальних колонн связкой распущенных скальпов прилипли к кронштейну куртки, брюки, плащи. Зеркала внутренней стены и стёкла огромных окон другой, обращённой к бульвару, высвечивали внутри магазина разложенный по отделам товар. Железные морды двухпудовых гирь, круглый оскал велосипедных колёс, задранные вверх хромированные рога мотоциклов, похотливо вздутые овалы резиновых лодок, ряды застывшей на плечиках одежды и выделенное ото всего пространство, плотно заставленное радиоаппаратурой...

Последнее – именно то, что было надо Пашке. Предварительно выбрав в спорттоварах вместительную сумку с ремнём через плечо, он, зайдя за прилавок, взял наконец-то в свои руки стоящий на полке магнитофон. Чёрный, металлическим блеском по фасаду надпись: «Шарп». Вот оно, чудо японской техники! И он, Пашка, обладатель этого чуда!

Он торопился. Уложив в сумку магнитофон и обнаруженные под прилавком тридцать чистых кассет, Пашка вдруг увидел в ячейках незапертого кассового аппарата стопки денег. Их бы-

ло много. Дневная выручка отдела. И им нашлось место в сумке! Туда же поместились наушники, микрофон, а также набор струн для электрогитары. Последние Пашка взял другу, имеющему этот инструмент и порванные к нему струны. Прихватив с собой ещё и приглянувшуюся ему удочку-телескоп, Пашка понял, что пора уносить ноги. Пересекая вновь всю длину магазина, так же осторожно укрываясь за ограждающими отделы витринами, он не заметил физиономии женщины, расплуснувшей нос о стекло окна. Та прогуливалась в одиночестве по обезлюдевшему бульвару и, совершенно случайно уловив движение внутри пустого магазина, сгорая от любопытства, прильнула к окну в попытке разглядеть движущийся объект. Царящий внутри полумрак не помешал ей определить, что в магазине хозяйничает посторонний мужчина. С годами накопившаяся на всех исключительно мужчин злость за то, что ни один из них не желает по достоинству оценить её ласки, нежность и доброту, она, натура деятельная и нетерпеливая, заметалась по бульвару в поисках выхода из создавшейся ситуации.

Неживой свет фонарей выхватывал из темноты раздвинувшееся в глубину ночи опустевшее пространство бульвара. Фары проезжающих машин резким пронзительно наплывающим светом вырывали кусками затушёванные темнотой внутренности магазина. В такие моменты Пашке хотелось застыть на месте, пригнуться за прилавком, распластаться на полу. И в мыслях не держа, что его кто-то мог заметить снаружи, он снова почувствовал страх. Замирая едва не на каждом шагу, Пашка прокрался в служебные помещения, туда, где находились бытовки работников, склады и кабинет директора магазина. В длинном коридоре двери помещений были закрыты. Без опаски быть обнаруженным он, найдя выключатель, зажёл свет и тщательно обследовал служебный выход. В проёме мощной двери, в правом верхнем углу, Пашка увидел чёрную кнопку отключения сигнализации. Порядок! Теперь надо приниматься за дело и закончить его за пару минут. Только бы удалось! Дрожа от возбуждения, Пашка поставил сумку на пол, вытянул из-за пояса монтировку, вставил её в щель между косяком и полотном двери. Затем дотянулся свободной рукой до кнопки отключения сигнализации и, нажав на неё, начал выворачивать язычок замка монтировкой. Дверь не поддавалась. Слабоват оказался? В эту минуту он осознал, что на-

прасно с пренебрежением относился к ежедневным занятиям друга с гантелями и штангой. Тот до изнеможения, до седьмого пота загружал себя килограммами железного веса и всё время предлагал Пашке пощупать твёрдые, как камень, бугры мускулов на своём теле.

Пашка в ответ беззаботно отмахивался, считая, что занятия спортом не так уж и обязательны. Да и обременительны они. Есть много интересного в мире, на что следует тратить своё время. Вот и не прав, получается. Как бы она сейчас, эта мускулатура, ему пригодилась. «Да что думать об этом! Поздно, батюшка, позднеенько...» – Пашка знал, что как только он отключит сигнализацию, об этом сразу же узнают охранники и примчатся на машине сюда. Во что бы то ни стало он должен успеть открыть дверь до их приезда и уйти от магазина как можно дальше. Путь отступления разработан им до мелочей. Выбравшись из магазина, он по заросшей кустарником территории детсада проберётся к девятиэтажному общежитию, в подвале которого (он был там как-то с другом) можно отлежаться на досках до утра и потом уже, не таясь, выбраться из подвала и вернуться домой. В подвал он проникнет, если тот закрыт, через разбитое окошко.

67

Пашка, в нечеловеческом усилии обеими ногами упиравшись о дверь, дёргал на себя монтировку. Но ничего с дверью не получалось: либо он сам оказался слабоват для такой двери, либо длины монтировки чуть-чуть не хватило – щель между дверью и косяком, несмотря ни на что, увеличивалась очень уж медленно. В глаза Пашке стал затекать пот. Он судорожно перехватил руками свою миниатюрную монтировочку и едва ли не застонал: ещё усилие, ещё чуть-чуть только поджать – и дверь поддастся ему! Но тут же снаружи, за дверью, он услышал рокот подъезжающей машины, стук её открываемых дверок и направляющиеся в его сторону шаги. Юный воришка в испуге застыл на месте: «Неужели за мной, и так быстро?».

– Пломбы на месте, дверь целая, – задумчиво произнёс грубый голос, – вам, наверное, показалось.

В это время, истошно гудя сиреной, к двери подкатила ещё одна машина. Мужские голоса тревожно обсуждали проблему. Из разговора за дверью Пашка узнал, что вторыми подъехали охранники. Одного они по отработанной схеме высадили у главного входа. Значит, пути отступ-

пления для Пашки даже через разбитое окно уже быть не может. Но и сдаваться просто так страшно. Зловеще звякнула связка ключей. «Они хотят войти», – догадался Пашка и, подхватив сумку, на цыпочках побежал в своё укрытие под линолеумом. Он успел спрятаться, когда по мозаичным плиткам пола зацокали уверенные шаги.

– Вроде бы здесь никого нет, – снова раздался мужской голос.

– Да нет же, он здесь, ищите, – убедительно произнесла невидимая Пашке из укрытия женщина до удивительного знакомым ему с детства голосом.

– Я своими глазами видела, как он стоял у витрины и что-то оттуда вытаскивал.

– Может быть, может быть... – слышалось в ответ будничное бормотание мужчины, всё более приближающегося к укрытию Пашки.

Неожиданно мужчина этот или другой – попробуй определи: вон их сколько сюда понаехало! – шагнул за двухметровой высоты экран, пошёл к стенке и, приподняв край линолеума,

радостно воскликнул: «А, вот ты где, миленький, спрятался, а ну-ка вылезь!».

«Можно было и не приказывать. Ишь, обрадовался: нашёл! Да тут-то и прятаться негде, если по-хорошему. Одни стены да полки с товарами...»

Пашка, ещё как только услышал звон ключей за дверью, то сразу и понял, что сорвалось им задуманное и ничто теперь ему не поможет. И он только для приличия и от страха немножко лежал, притаившись, в своём укрытии. «А так что же? Вот он я, берите. Теперь уже всё. Никогда мне не везло, а сейчас с чего бы, спрашивается, повезло, да и так крупно? Подобное, если и случается, то очень редко. Как в лотерейке. Жизнь, она справедливая. И всё в ней происходит совсем по-другому, не так, как бы тебе хотелось». Он приподнялся с пола и, зажмурившись на мгновение, шагнул вперёд на свет люминесцентных лампочек.

– Пашенька? – удивлённо воскликнула сопровождавшая сотрудников милиции и охраны женщина и начала медленно оседать на пол...

